

ЧЕРНОМОРСКИЕ ПРОЛИВЫ И СОВЕТСКО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1917–1923 гг.

Аннотация.

Актуальность и цели. Острая современная международная обстановка в Черноморском регионе обуславливает необходимость изучения исторического опыта решения вопроса об использовании Черноморских проливов в период 1917–1923 гг. Для этого подробно исследуется внешняя политика и участие в дипломатических переговорах таких активных участников процесса обсуждения данной проблемы, как Советская Россия и Турция. Рассматривается роль Турции в процессе подготовки и проведения Лозаннской международной конференции, а также участие советской дипломатии в ее работе. Цель статьи – проанализировать развитие советско-турецких отношений в первые годы Советской власти, определить их характер, а также проследить их влияние на решение вопроса о международном режиме функционирования проливов Босфор и Дарданеллы.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе изучения опубликованных документов советской внешней политики указанного периода, в частности текста советско-турецкого договора «О братстве и сотрудничестве» 1921 г., анализа содержания материалов международной «Конвенции по Черноморским проливам» 1923 г., использования мемуарной и научной литературы. Методологический потенциал включает в себя прежде всего сравнительно исторический метод, который позволяет осуществить сравнительную характеристику различных аспектов внешней политики Турции и Советской России в 1917–1923 гг. по проливной тематике.

Результаты. Исследованы внутренние и внешние факторы, влиявшие на развитие советско-турецких отношений в первые годы Советской власти, проанализированы предложения двух государств по поводу статуса использования Черноморских проливов до проведения Лозаннской международной конференции и в ходе обсуждения данного вопроса на самом международном форуме. Отмечен сохранившийся с XIX в. интернациональный принцип определения режима использования Проливов, включая активное участие в этом процессе ведущих европейских держав, не имевших выхода к Черному морю.

Выводы. Изучение хода обсуждения проливной тематики в рамках советско-турецких отношений 1917–1923 гг. позволяет сделать вывод о том, что, во-первых, в формировании советской позиции по проблеме использования проливов Босфор и Дарданеллы наблюдается преемственность со взглядами дипломатии Российской империи; во-вторых, принцип закрытия проливов, который отстаивала советская делегация в ходе переговоров на международной Лозаннской конференции, в полной мере соответствовал национальным интересам молодого Советского государства.

Ключевые слова: Черноморские проливы, советская дипломатия, советско-турецкие отношения, международная Лозаннская конференция, Конвенция о режиме Черноморских проливов 1923 г.

A. V. Borkov, A. V. Ilyin

THE BLACK SEA PASSAGES AND THE SOVIET-TURKISH RELATIONS IN 1917–1923

Abstract.

Background. The acute modern international situation in the Black Sea region causes a need of studying the historical experience in solving a question of exploi-

ting the Black Sea passages during 1917–1923. For this purpose the authors investigated the foreign policy and diplomatic negotiations of such active participants of the process of this problem discussion as the Soviet Russia and Turkey. The researchers considered the role of Turkey in the course of preparation and carrying out of the Lausanne international conference, and also participation of the Soviet diplomacy in its work. The purpose of the article is to analyse development of the Soviet-Turkish relations in the first years of the Soviet power, to define their character, and also to track their influence on the solution of a question of the international mode of functioning of the Bosphorus and Dardanelles Straits.

Materials and methods. Realization of the research tasks was achieved through studying of the published documents of the Soviet foreign policy of the specified period, in particular, of the text of the Soviet-Turkish contract “About the Brotherhood and Cooperation” of 1921, the analysis of the content of “The convention on the Black Sea passages” 1923, examining the memoirs and scientific literature. The methodological potential includes, first of all, the comparative historical method which allows to compare the characteristic of various aspects of foreign policy of Turkey and the Soviet Russia in 1917–1923 on the straits topic.

Results. The authors investigated the internal and external factors influencing development of the Soviet-Turkish relations in the first years of the Soviet power, analyzed the offers by two states concerning the status of the Black Sea passages exploitation before the Lausanne international conference and during the international forum. The researchers pointed out the international principle of definition, remaining since the XIX century, of the mode of the Passages exploitation with active participation of the leading European powers which didn't have any access to the Black Sea.

Conclusions. Studying of the course of discussion concerning the straits within the Soviet-Turkish relations of 1917–1923 allows to draw a conclusion that, first, in formation of the Soviet position on the problem of using the Bosphorus and Dardanelles Straits the continuity with views of the Russian Empire diplomacy was observed, secondly, the principle of passages closing, which was defended by the Soviet delegation during the negotiations at the Lausanne conference, fully corresponded to the national interests of the young Soviet state.

Key words: the Black Sea Straits, Soviet diplomacy, Soviet-Turkish relations, the Lausanne Conference, the Convention on the regime of the Straits, 1923.

Революционные события в России, особенно Октябрьская революция 1917 г., круто поменяли ее отношение к тематике Черноморских проливов. Пришедшие к власти большевики, объявив о своем разрыве с захватнической политикой царизма, выступили с идеей проведения новой внешней политики. Уже в Декрете о мире, принятом II Всероссийским съездом Советов 8 ноября 1917 г., было заявлено, что тайные договоры, заключенные царским и временным правительством, «безусловно и немедленно» отменяются. Таким образом, большевистское руководство открыто дистанцировалось, в числе других, и от договоренностей, достигнутых в 1915 г. между Петербургом, Лондоном и Парижем, о том, что в случае разгрома объединенными усилиями Германии и Турции судьба Черноморских проливов и Константинополя должна быть решена сообразно с интересами России. Еще более определенно эта тема звучала в обращении Совета Народных Комиссаров РСФСР ко всем трудящимся мусульманам России и Востока от 3 декабря 1917 г. «Мы заявляем, – говорилось в обращении, – что тайные договоры свергнутого царя о захвате Константинополя, подтвержденные свергнутым Керенским, – ныне по-

рваны и уничтожены. Республика Российская и ее Правительство, Совет Народных Комиссаров – против захвата чужих земель: Константинополь должен остаться в руках мусульман» [1, с. 35].

Но, с другой стороны, необходимо признать, что проблема Черноморских проливов в первые послеоктябрьские годы явно не принадлежала к числу внешнеполитических приоритетов большевистского руководства. Причин тому несколько. Среди них: сосредоточение внимания новой власти на всемерной поддержке «мировой революции»; стремление решить другую проблему – отстоять вновь возникший государственный строй и нормализовать отношения с соседними странами; ослабление на первых порах практической нужды в свободном проходе судов через Проливы, вызванное крайне бедственным положением, в котором оказался в годы Гражданской войны и иностранной интервенции весь военный и торговый Черноморский флот России.

После подписания Брестского мирного договора Турция сумела несколько усилиться в регионах Закавказья, примыкающих к Черному морю, присоединив приграничные округа Ардаган, Карс и Батум, но в последующий период, в частности осенью 1918 г., резко ухудшилось и принципиально изменилось военно-политическое ее положение. Тесный союз с Германией и Австро-Венгрией в годы Первой мировой войны дорого обошелся Оттоманской империи. Потерпевшие поражение в войне союзники потянули с собой на дно и Турцию. В середине сентября 1918 г. войска держав Антанты нанесли сильнейшие удары турецкой армии на Балканском и Ближневосточном театрах военных действий. Вооруженные силы Турции стали фактически разваливаться. 30 октября 1918 г. в порту Мудрос (Эгейское море) было подписано соглашение о перемирии между представителями Великобритании и Турции, по которому последняя полностью сдалась на милость победителей. По условиям перемирия турки обязывались открыть Антанте свободный доступ в Черное море и соглашались на занятие антантовскими войсками Константинополя и Проливов.

Для продолжения борьбы со странами Антанты некоторые представители правящих кругов Оттоманской империи решили установить неформальные отношения с новой Советской Россией. Так, лидеры младотурецкой партии «Иттихад ве таракки» («Единение и прогресс») М. Талаат-паша (бывший министр МВД и последний везир Турции), Энвер-паша (бывший военный министр и начальник Генерального штаба) вместе с бывшим морским министром Джемаль-пашой тайно на подводной лодке покинули родину и укрылись в Германии. Здесь они решили встретиться с представителем большевиков в Германии К. Радеком. Причем у самого К. Радека был статус заключенного: после неудачной попытки немецкой коммунистической группы «Спартак» поднять восстание в Берлине в январе 1919 г. сам он находился в Моабитской тюрьме. Но режим его содержания был настолько свободным, что его могли посещать все желающие, в том числе и иностранцы. Турки предлагали организовать совместные действия для противодействия странам Антанты. Радек в свою очередь на встрече с визитерами с Востока подчеркивал, что для Германии единственным способом выйти из политической изоляции является союз с Советской Россией. Большевик надеялся, что турки донесут эту мысль до немецких генералов, и он не ошибся [2, с. 116].

Осенью того же года, как следует из переписки Чичерина с Лениным, в контакт с одним из турецких генералов, Энвер-пашой, вступает и офици-

альный представитель России в Берлине В. Л. Копп. Видимо, предложения турецких офицеров были настолько интересны, что Москва принимает решение о прямых переговорах с ним в Советской России. По совету К. Радека Энвер-паша в октябре 1919 г. попытался добраться до РСФСР самолетом. Однако машина потерпела аварию в районе г. Ковно. Турецкий представитель был арестован расквартированными там английскими солдатами. Его случайно освободило подразделение немецких добровольцев под командованием Ф. Чунке. Трофеем англичан стала карта рейхсвера от 1 сентября 1919 г. с расположением войск стран Согласия, которые могли быть задействованы против РСФСР, и письмо руководителя фирмы «Юнкерс» на имя наркома внешней торговли Б. Красина с предложением построить в России авиационный завод¹ [2, с. 119].

Между тем в самой Оттоманской империи подписание Мудросского перемирия вообще ставило под вопрос дальнейшее самостоятельное существование турецкого государства. Такой поворот настораживал руководство Советской России. Перед Антантой тогда открывались широкие возможности прохода через Черноморские проливы в любом количестве военных кораблей Англии и Франции с целью ликвидации советской власти на юге России и Украине. Последующее развитие событий подтвердило обоснованность таких опасений. Поставив на колени Турцию и Германию, Лондон и Париж в 1919–1920 гг. стали безраздельными хозяевами на Черном море.

Они продолжали добивать и само турецкое государство. В марте 1920 г. английские войска оккупировали Стамбул. Воспользовавшись малодушной, по существу предательской, позицией, занятой султаном, его двором и примыкавшими к ним компрадорскими кругами турецкой буржуазии, антантовский альянс сумел навязать султанской Турции унижительный кабальный договор, подписанный 10 августа 1920 г. в Севре (близ Парижа). По этому договору султан сохранял свою столицу в Константинополе, но территория Турции сокращалась на три четверти. Судоходство в Проливах объявлялось открытым в мирное и военное время для всех торговых и военных кораблей без различия флага. Известия об условиях Севрского договора вызвали возмущение по всей Турции.

Планы держав Антанты фактически расчленить Турцию на несколько частей, полностью подчиненных Антанте, и прежде всего Англии, вызвали взрыв национально-освободительной борьбы турецкого народа. В стране началась антиимпериалистическая национальная революция. Признанным лидером революции стал выходец из небогатой турецкой буржуазной семьи генерал Мустафа Кемаль, получивший впоследствии за заслуги перед турецким народом еще и имя Ататюрка, т.е. отца турков.

Патриотически настроенные члены стамбульской палаты депутатов приняли в январе 1920 г. Национальный обет – декларацию независимости

---

¹ В начале 1920 г. вместе со сподвижниками Энвер-паша все же прибыл в Москву. Он базировался там около полутора лет, работая в Обществе единства революции с Исламом, пытаясь разработать новую идеологию, объединяющую коммунистические и мусульманские идеи, а также теорию пантюркизма. С этих позиций он выступал на Первом съезде народов Востока в Баку в сентябре 1920 г. Впоследствии был направлен Советской властью в Туркестан для борьбы с басмачеством, где перешел на сторону басмачей и стал уже воевать против Красной Армии. Погиб в бою с красноармейцами 4 августа 1922 г.

Турции. В апреле 1920 г. в Анкаре был созван парламент – Великое национальное собрание Турции, провозгласившее себя единственной законной властью. Оно отказывалось признавать Севрский договор и выполнять его условия, в частности, касающиеся передачи войскам Антанты турецких военных кораблей. Перед лицом насильственного захвата боевых судов Турции было принято решение отправить один из этих кораблей, легкий крейсер «Айдин Рейс», в Советскую Россию, что и было сделано в сентябре 1920 г.

Этот рейс подготовила и осуществила команда в составе 26 человек, из которых 18 были турками, включая капитана корабля, старшего офицера Ахмета Мидата, а 8 – русскими моряками. По пути следования крейсер захватил парусно-моторную шхуну «Генеенс Теодокис», шедшую под греческим флагом и осуществлявшую перевозки для Добровольческой армии. 16 сентября 1920 г. оба корабля вошли в бухту Новороссийского порта. Передача «Айдин Рейса» была оформлена в виде подарка Турции Советской России. Команда корабля, включая капитана, была награждена орденами и медалями за успешно проведенный переход. Корабль был зачислен в состав Черноморского советского военно-морского флота под названием «Луч Востока» и участвовал в операциях по разгрому Врангеля [3, с. 233].

Все это было проявлениями симпатии нового турецкого правительства к Советской России. Поэтому неудивительным стал факт обращения Мустафы Кемалю с письмом к правительству РСФСР, в котором он предлагал установить дипломатические отношения и совместно бороться со странами Антанты. Советское руководство ответило согласием.

Вскоре в Москву выехала делегация анкарского правительства. Начались длительные советско-турецкие переговоры, завершившиеся подписанием 16 марта 1921 г. в Москве договора между Россией и Турцией, охарактеризованного в тексте как договор о дружбе и братстве. В соответствии с ним Турция согласилась вернуть Грузии и России порт Батум и прилегающий к нему район. В статье 5 договора о Проливах было записано: «Дабы обеспечить открытие Проливов и свободу прохождения торговых судов для всех народов, обе договаривающиеся стороны соглашаются передать окончательную выработку международного статуса Черного моря и Проливов будущей конференции из делегатов прибрежных государств при условии, что вынесенные ею решения не нанесут ущерба полному суверенитету Турции, равно как и безопасности Турции и ее столице Константинополю» [4, с. 170]. Как явствует из этого текста, документ оказался не свободным от формулировок и умолчаний, свидетельствовавших, что обе стороны пока еще не совсем ясно осознавали, какие же реальные возможности он открывал перед ними для совместного решения проблемы судоходства через Проливы. Во-первых, оставалось непонятным, кто должен был проявить инициативу по созыву конференции прибрежных стран. Между тем от того, кто был бы инициатором такой конференции, в немалой степени зависел и ее возможный результат. Во-вторых, предполагалось привлечь к такой конференции только прибрежные черноморские страны. Но ведь было ясно, что обладавшие тогда неоспоримым весом в международных делах Англия и Франция ни за что не допустят, чтобы вопрос о Черноморских проливах решался без их участия и уж тем более – за их спиной. К тому же не было ясно, каким образом и на каких условиях Советская Россия и Турция собирались созвать конференцию при-

брежных черноморских государств, если учесть непризнание в то время со стороны Румынии и Болгарии не только де-юре, но и де-факто Советской России, открытое советско-румынское противостояние в связи с оккупацией румынами Бессарабии, а также весьма напряженные турецко-болгарские отношения из-за споров по некоторым территориальным проблемам.

Необходимо признать, что в целом советско-турецкий договор 1921 г. несомненно содействовал укреплению международных позиций его участников, особенно Турции. По условиям договора Россия брала на себя обязательство предоставить Турции безвозмездную помощь в размере 10 млн золотых рублей. Из этой суммы турецкому правительству было передано по частям в течение апреля-июня 1921 г. 5,4 млн рублей. Тогда же турецкое правительство обратилось с просьбой к РСФСР о возвращении крейсера «Айдин Рейс». Просьба турок была удовлетворена, и 4 мая 1921 г. он отплыл обратно в Трапезунд.

Помощь России позволила отразить Турции наступление греческой армии, начавшееся летом 1921 г., нанести ей впоследствии сокрушительное поражение и вынудить к подписанию нового перемирия. 11 октября 1922 г. в порту Муданья на Мраморном море был подписан акт перемирия между Турцией и Англией, Францией и Италией. Согласно его условиям, греческие войска должны были немедленно покинуть Восточную Фракию, куда вступала турецкая жандармерия. Стамбул и Проливы оставались в оккупации союзников вплоть до заключения окончательной мира. Вдоль Проливов на азиатской стороне устанавливалась зона, через границы которой турецким войскам переходить запрещалось [5, с. 367]. Таким образом, Муданийское перемирие фиксировало лишь приостановку боевых действий. Решение всех остальных международных проблем, связанных с Турцией и Черноморскими проливами, откладывалось на будущее. И это «будущее» вскоре дало о себе знать.

Вопрос возник на совещании 20–24 сентября 1922 г. в Париже премьер-министра и министра иностранных дел Франции Р. Пуанкаре, министра иностранных дел Великобритании Д. Керзона и посла Италии во Франции К. Сфорца, где было решено созвать международную конференцию с целью урегулировать взаимоотношения с Турцией и решить ряд ближневосточных проблем, включая и вопрос о Черноморских проливах.

После того как РСФСР получила приглашение для участия в работе будущей международной конференции, Москва, во-первых, в своей ноте от 22 сентября 1922 г. сначала призвала немедленно созвать конференцию «всех заинтересованных держав, и в первую очередь черноморских государств». Таким образом, Советская Россия повторила позицию, согласованную в советско-турецком договоре 1921 г. Во-вторых, когда стало ясно, что на эту идею никто из других 10 государств-участников конференции не отреагировал, Россия стала требовать полноформатного участия в работе конференции (с приглашением Украины и Грузии), а не только в заседаниях, где должны были рассматриваться вопросы использования Черноморских проливов. И здесь мы также рассчитывали на поддержку Турции. Однако в ноте турецкого правительства от 4 октября 1922 г. правительство Турции, отвечая на предложение держав Антанты о созыве мирной конференции, обошло вопрос о полном участии РСФСР, Украины и Грузии в работе предполагавшейся конференции, на чем настаивало советское правительство, но предложило

пригласить их для обсуждения вопроса о Проливах. В-третьих, советское правительство надеялось на формирование единых советско-турецких позиций по вопросам о проливах в ходе работы международной конференции. Но и этого не произошло. Уже первые переговоры советского посла С. И. Аралова с турецким министром иностранных дел Исмет-пашой показали, что Турция не будет настаивать на принципе закрытия Черноморских проливов. Министр заявил: «...фактически же, владея обоими берегами и без укреплений, мы всегда сможем своими силами обеспечить свободу проливов, конечно, с непропуском военных судов» [4, с. 171].

Думается, что столь «полулояльная» позиция Турции объяснялась, с одной стороны, желанием в какой-то мере «задобрить» организаторов конференции и тем самым заранее смягчить их позицию, продемонстрировав, что Турция отнюдь не спешит полностью идти в фарватере российско-турецкого договора 1921 г., а с другой – определенным ухудшением в это время российско-турецких отношений. Дело в том, что советское руководство надеялось на постепенное перерастание национальной революции в Турции в социалистическую (по словам первого российского посла С. Аралова, В. И. Ленин почему-то считал Ататюрка социалистом) [4, с. 35]. Но очень скоро стало ясно, что наши надежды не оправдались. Внутри страны начинаются репрессии против турецких коммунистов, споры вокруг соблюдения монополии внешней торговли, происходит слишком уж бесцеремонное вмешательство советского ГПУ, а также Коминтерна (через турецких коммунистов) во внутренние дела Турции. Можно предположить, что такая позиция турок была одной из причин, приведшей к срыву советской стороной осенью 1922 г. российских поставок оружия в Турцию. Таким образом, складывалась неблагоприятная обстановка для советско-турецких отношений.

Стало ясно, что Советской России в борьбе за свои права в ходе работы конференции необходимо рассчитывать только на свои силы. Советская позиция по вопросу о статусе Проливов была определена в письме Г. Чичерина И. В. Сталину от 17 октября 1922 г. Она предполагала закрытый статус Проливов для военных судов нечерноморских государств в мирное время и открытый режим использования Черноморских проливов для всех гражданских судов без каких-либо ограничений.

Следует обратить внимание на важность данного события для истории советской внешней политики. Дело в том, что до этого момента вся внешняя политика Российской империи считалась неправильной, «империалистической», осуществлявшейся только в угоду правящим классам. Они считали, что советскую внешнюю политику надо создавать заново, с «чистого листа». Но вот в этом конкретном вопросе мы впервые наблюдаем преемственность царской и коммунистической международной политики. Ведь предложенный РСФСР подход, по сути, повторял положения Конвенции 1871 г., участником которой являлась Российская империя. Эта международная конвенция тоже подтверждала принцип закрытых проливов. Таким образом, советская внешняя политика впервые начинает понимать, что существуют не только классовые, но и национальные интересы государств.

27 октября 1922 г. правительства Великобритании, Франции и Италии передали через и. о. британского официального агента в РСФСР Питерсона на имя Г. Чичерина ноту, в которой, во-первых, советское правительство, на-

конец, официально уведомлялось о созываемой в Лозанне конференции, и, во-вторых, Советскую Россию приглашали на конференцию, но только для обсуждения вопроса о Проливах. Как видим, мало того, что в ноте содержался прямой отказ держав Антанты от участия Москвы в обсуждении и решении всех вопросов, поднимаемых на конференции, чего так настойчиво добивалось правительство РСФСР, но даже и возможность участвовать в решении проблемы Проливов выглядела весьма неопределенной и потому сомнительной. В ноте советская сторона приглашалась только «принять участие в обсуждении вопроса о Проливах». Несмотря на возникшую дискуссию в советском руководстве о том, участвовать на таких условиях в работе конференции или нет, тем не менее на заседании Политбюро 2 ноября 1922 г. был одобрен состав делегации на конференцию в Лозанну (глава делегации – Г. В. Чичерин, члены – председатель Украинского правительства и наркоминдел УССР Х. Г. Раковский и представитель руководства Грузии П. Г. Мдивани; до их отъезда предварительно в Лозанну посылались В. В. Воровский из Рима и Б. М. Залкинд из Москвы), а также одобрен предложенный Чичериным проект платформы советской делегации на конференции, включавшей собственную позицию по данному вопросу.

В ходе работы международной конференции, которая открылась 20 ноября 1922 г., стало ясно, что существуют два возможных проекта Конвенции об использовании Черноморских проливов. Один из них принадлежал английской стороне и предполагал свободный проход все военных и гражданских судов из Средиземного моря в Черное и обратно в мирное время (принцип «отрытого моря»). Прямо противоположную позицию занимала советская делегация, которая предлагала закрыть проход через проливы военных кораблей нечерноморских государств и обеспечить свободное судоходство для гражданских судов в мирное время (принцип «закрытого моря»). Остальные участники конференции, включая Турцию, не поддержали советский проект.

31 января 1923 г. глава британской делегации Д. Керзон представил конференции от имени Англии, Франции и Италии проект конвенции о Проливах. С данным документом была ознакомлена и советская делегация. Более того, 1 февраля 1923 г. Г. В. Чичерин дважды выступал на заседании комиссии по Проливам. В первом своем выступлении он предложил ввести ограничения на проход через Проливы и нахождение в Черном море военных судов нечерноморских государств не в зависимости от наиболее крупного военноморского флота черноморских стран, а взять в качестве показателя одну пятую часть общего тоннажа вооруженных судов, не считая подводных лодок, военных флотов всех прибрежных государств, за исключением Турции [6, с. 79]. Однако советское предложение не вызвало интереса у других делегаций. Тогда происходит второе выступление главы советской дипломатии. Здесь Г. В. Чичерин вновь заявил о том, что предлагаемый проект угрожает безопасности и жизненным интересам России, Украины и Грузии, делает невыполнимым установление прочного мирного положения на Ближнем Востоке и в регионе Черного моря, и поэтому делегация трех стран «решительно не согласна с проектом приглашающих держав» [7, с. 393]. Из этого заявления остальными участниками конференции был сделан вывод, что советская делегация не подпишет итоговые документы.

23 апреля 1923 г. начался второй этап Лозаннской конференции. Узнав об этом из газет, советский представитель К. Воровский смог прибыть в Лозанну лишь 27 апреля. На этом этапе конференции Керзон уже не присутствовал. Другие державы Антанты также прислали второстепенных представителей. В ходе возобновившихся переговоров с турками Антанта постаралась на этот раз полностью устранить советских представителей от участия в конференции. Ввиду сложившейся ситуации Г. Чичерин обратился 15 мая к Генеральному секретарю ЦК РКП(б) И. Сталину с письмом, в котором от имени НКВД просил Политбюро ЦК срочно рассмотреть вопрос о дальнейшей позиции советских республик на конференции в Лозанне. По мнению руководства НКВД, перед советской стороной имелись две возможности: 1) подождать до подписания конвенции о Проливах и в связи с несогласием с ней, а также в связи с тем, что советских представителей даже не спросили, согласны ли они ее подписать, заявить о том, что Москва сделает для себя соответствующие выводы; 2) в связи с последними событиями уже теперь заявить, что советские республики уходят с Лозаннской конференции и заранее объявляют порочным всякий заключенный на ней договор. Что касается руководства НКВД, то оно высказывалось за второй вариант. Судя по дальнейшим действиям самого Чичерина, высшее советское руководство не поддержало предложение НКВД «хлопнуть дверью» и демонстративно уйти из Лозанны [5, с. 384].

Дальнейшие события, касающиеся позиции советского руководства по отношению к Конвенции о Проливах, развивались следующим образом. 17 июля генеральный секретарь конференции в Лозанне Р. Массигли направил на имя Г. Чичерина телеграмму, в которой предлагалось прислать российских представителей, уполномоченных подписать Конвенцию о Проливах, либо в Лозанну к 24 июля, либо в Константинополь к 14 августа. Вопрос об ответе организаторам Лозаннской конференции стал предметом обсуждения на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 19 июля 1923 г. В итоге было единогласно решено на определенных условиях Конвенцию подписать [5, с. 387]. В тот же день Чичерин ответил Массигли пространной телеграммой, в которой информировал, что правительства трех советских республик уполномочили подписать Конвенцию о Проливах советского представителя в Италии Н. И. Иорданского. И действительно, 14 августа 1923 г. Н. И. Иорданский поставил свою подпись (как сказано в документе, «от имени России») под Конвенцией о режиме Черноморских проливов [5].

К сожалению, дальше начинаются загадки и возникают вопросы, на которые и сегодня нет вразумительных ответов в исторической литературе. Подписав Лозаннскую конвенцию о Проливах, советское руководство, однако, не ратифицировало ее. До сих пор не понятно, почему советская позиция была столь противоречивой. Известно только, что не все члены Политбюро согласились с принятым решением. Так, в своем письме Л. Б. Каменеву от 30 июля 1923 г. Г. Е. Зиновьев не согласился с мнением Политбюро ЦК РКП(б), заявив о том, что он, а также Л. Д. Троцкий и еще восемь членов ЦК партии считают его ошибочным [8]. На следующий день он подтвердил свою позицию и в письме к И. В. Сталину, настаивая на том, что при обсуждении вопроса о Конвенции необходимо было опросить мнение его и Л. Д. Троцкого, хотя они оба находились в тот момент в отпуске [9].

В итоге И. В. Сталин был вынужден в послании Г. Е. Зиновьеву от 7 августа 1923 г. подробно объяснить, как принималось решение по Проливам. Во-первых, ни один из членов Политбюро не ставил вопрос об опросе отсутствующих, тем более что Л. Д. Троцкий перед отъездом на отдых оставил бумагу с просьбой, чтобы ему не присылали даже протоколов заседаний Политбюро [10]. Тем самым он как бы заранее выражал согласие с любыми принятыми решениями. Во-вторых, опрос по телеграфу не всегда возможен из-за обилия документов, прилагаемых при его рассмотрении той или иной проблемы [10]. В-третьих, решение принималось в присутствии компетентного специалиста в лице главы НКИДа Г. В. Чичерина, который первоначально был настроен против подписания Конвенции, но в конечном счете согласился с мнением членов Политбюро [10]. В итоге можно предположить, что возникшие разногласия в высшем политическом руководстве СССР были, по-видимому, одной из причин того, что подписанная Конвенция о Проливах так и не была ратифицирована ЦИКом.

Таким образом, официальный отказ советского правительства от установления контроля над Черноморскими проливами создавал благоприятные условия для развития советско-турецких отношений. Причем первые попытки установить такие контакты предприняли даже представители султанской власти, основываясь на общей позиции, направленной против стран Антанты. Еще более интенсивными отношения между двумя государствами становятся после турецкой революции 1920 г. и заключения советско-турецкого договора о дружбе и братстве 1921 г. Но обсуждение уже первой международной проблемы, напрямую касающейся безопасности Советской России и Турции, а именно статуса проливов Босфор и Дарданеллы, показало, что выработать единую позицию по данной тематике не удалось, что вызвало, конечно, разочарование советской дипломатии. Подписание Конвенции о Проливах 1923 г. явилось переломным в двухсторонних отношениях. К этому моменту стало окончательно ясно, что не оправдались советские надежды на перерастание национальной турецкой революции в социалистическую и возникли чисто двусторонние проблемы в советско-турецких отношениях. Кроме того, 1923 г. стал последним годом пребывания в Анкаре первого советского посла в Турции С. И. Аралова.

С другой стороны, и позиция Советского государства в ходе работы Лозаннской международной конференции не была последовательной, хотя и не исключавшей возможных компромиссов. Сначала советская делегация выступала против предложений, выдвинутых английской стороной и положенных в основу окончательного текста Конвенции о Проливах. Потом, несмотря на некоторые оговорки, неожиданно его подписала. Затем отказалась его ратифицировать. Причем до сих пор неизвестно – почему, и можно только строить догадки, с чем это могло быть связано. Возможно, сыграл свою роль раскол в высшем партийном руководстве по отношению к Конвенции о Проливах при учете позиции Г. Е. Зиновьева. Но в опубликованных документах отсутствует обоснование мнения последнего, что не позволяет оценить правильность или неправильность его позиции и ее влияние на дальнейшую дискуссию по данному вопросу в высших эшелонах власти СССР.

Список литературы

1. Документы внешней политики СССР (далее – ДВП СССР). – М. : Политиздат, 1957. – Т. 1. – 771 с.

2. **Черноперов, В. Л.** Дипломатическая деятельность В. Л. Коппа в Германии в 1918–1921 гг. / В. Л. Черноперов. – Иваново : Ивановский государственный университет, 2006. – 436 с.
3. Из истории советско-турецких дружественных связей // Исторический архив. – 1962. – № 2. – С. 233–234.
4. **Аралов, С. И.** Воспоминания советского дипломата. 1922–1923 гг. / С. И. Аралов. – М. : Изд-во Института международных отношений, 1960. – 224 с.
5. Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия). – М. : Международные отношения, 1999. – 560 с.
6. **Потцхверия, Б. М.** Турция между двумя мировыми войнами. Очерки внешней политики / Б. М. Потцхверия. – М. : Наука, 1992. – 250 с.
7. ДВП СССР. – М. : Политиздат, 1962. – Т. 6. – 646 с.
8. Письмо Г. Е. Зиновьева Л. Б. Каменеву от 30 июля 1923 г. // Известия ЦК КПСС. – 1991. – № 4. – С. 197.
9. Письмо Г. Е. Зиновьева И. В. Сталину от 31 июля 1923 г. // Известия ЦК КПСС. – 1991. – № 4. – С. 199–200.
10. Письмо И. В. Сталина Г. Е. Зиновьеву от 7 августа 1923 г. // Известия ЦК КПСС. – 1991. – № 4. – С. 204.

References

1. USSR foreign policy documents (dalee – DVP SSSR). Moscow: Politizdat, 1957, vol. 1, 771 p.
2. Chernoperov V. L. *Diplomaticheskaya deyatel'nost' V. L. Koppa v Germanii v 1918–1921 gg.* [Diplomacy of V.L. Kopp in Germany in 1918–1921]. Ivanovo: Ivanovskiy gosudarstvennyy universitet, 2006, 436 p.
3. *Istoricheskiy arkhiv.* [Historical archive]. 1962, no. 2, pp. 233–234.
4. Aralov S. I. *Vospominaniya sovetskogo diplomata. 1922–1923 gg.* [Memories of a soviet diplomat]. Moscow: Izd-vo Instituta mezhdunarodnykh otnosheniy, 1960, 224 p.
5. *Rossiya i Chernomorskie prolivy (XVIII–XX stoletiya)* [Russia and the Black Sea straits (XVIII–XX centuries)]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1999, 560 p.
6. Potskhveriya B. M. *Turtsiya mezhdu dvumya mirovymi voynami. Ocherki vneshney politiki* [Turkey between two world wars. Essays on foreign policy]. Moscow: Nauka, 1992, 250 p.
7. USSR foreign policy documents. Moscow: Politizdat, 1962, vol. 6, 646 p.
8. *Izvestiya TsK KPSS* [Proceedings of Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union]. 1991, no. 4, p. 197.
9. *Izvestiya TsK KPSS* [Proceedings of Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union]. 1991, no. 4, pp. 199–200.
10. *Izvestiya TsK KPSS* [Proceedings of Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union]. 1991, no. 4, p. 204.

Борков Александр Васильевич

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой основ внешней
политики и безопасности России,
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
(Россия, г. Нижний Новгород,
пр. Гагарина, 23)

E-mail: lomonosov.25@mail.ru

Borkov Aleksandr Vasil'evich

Doctor of historical sciences, professor,
head of sub-department of basic Russian
foreign policy and security, Nizhniy
Novgorod State University
named after N. I. Lobachevsky
(23 Gagarina avenue, Nizhny Novgorod,
Russia)

Ильин Александр Владимирович
аспирант, Нижегородский
государственный педагогический
университет им. Козьмы Минина
(Россия, г. Нижний Новгород,
ул. Ульянова, 1)

E-mail: lomonosov.25@mail.ru

Pyin Aleksandr Vladimirovich
Postgraduate student, Nizhny Novgorod
State Pedagogical University
named after K. Minin
(1 Ulyanova street, Nizhny Novgorod,
Russia)

УДК 327(09)

Борков, А. В.

Черноморские проливы и советско-турецкие отношения в 1917–1923 гг. / А. В. Борков, А. В. Ильин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – № 3 (31). – С. 36–47.